

The book cover features a vibrant, stylized illustration. On the left, a large, dark brown tree trunk with green leaves frames the scene. A red bicycle with a white headlight is parked in the foreground, leaning against the tree. In the background, a colorful village with orange-tiled roofs and a church spire is nestled on a hillside. The sky is a deep blue with white, wavy lines. The title 'ПОД ЦИКАДНЫМ ДЕРЕВОМ' is written in large, white, sans-serif capital letters across the center. The author's name 'ПАОЛА ПЕРЕТТИ' is at the top in orange, and the translator's name 'перевод СВЕТЛАНЫ МАЛИНИНОЙ' is below it in smaller orange letters. At the bottom, a blue rectangle contains the word 'роман' in white, and the publisher's logo 'МИО' is on the right.

ПАОЛА ПЕРЕТТИ

перевод СВЕТЛАНЫ МАЛИНИНОЙ

ПОД ЦИКАДНЫМ ДЕРЕВОМ

роман

МИО

Паола Перетти
Под цикадным деревом
Серия «МИФ Проза»
Серия «Романы МИФ.
Прекрасные мгновения жизни»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67978299

Под цикадным деревом / Паола Перетти: Манн, Иванов и Фербер;

Москва; 2022

ISBN 9785001956853

Аннотация

Тихая и робкая Чечилия живет в Вероне с матерью и пожилыми тетушками, вместе они держат магазин свежей пасты. Шумное, любящее и подчас невыносимое семейство окружает девушку заботой, но иногда кажется, что этой заботы слишком много.

Старшая из тетушек Чечилии умирает, оставив ей в наследство загадку: оказывается, у сестер был младший брат, который бесследно пропал сразу после рождения. Чтобы найти Лоренцо, девушка отправляется туда, откуда все началось, в опустевший дом, рядом с которым растет старая яблоня. Много десятилетий назад пять сестер собирались под ней вечерами под стрекот

цикад. Что за тайны остались в том далеком времени? Чечилии предстоит это выяснить, а заодно многое узнать о самой себе.

Для кого книга

Для тех, кто любит непростые семейные истории, трогательные и жизнеутверждающие.

Для поклонников Фэнни Флэгг, Джоанн Харрис и Элены Ферранте.

Для читателей, которые хотят окунуться в атмосферу Италии.

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Вечерняя фриттата	8
Эвтерпа	14
Глава 1	14
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Паола Перетти

Под цикадным деревом

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2021 Paola Peretti

© 2021 Mondadori Libri S.p.A., Milano

Russian translation rights arranged through Vicki Satlow of
The Agency srl

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО
«Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

*Лишь на мгновение
вернуться бы в детство,
увидеть своих,
у плиты погреться,
расчесать волосы кукле,
пока все болтают на кухне.
Мама расскажет о шествиш и крестах,
а сестры – о своих женихах.
Я бы хотела
посмотреть из окна,
как падает снег,
как папа читает...
Я бы к маме забралась на колени
и затихла.*

А. И. Брунати. Лишь на мгновение

*Самый лучший ребенок – тот, что еще не вырос.
Н. Хикмет. Самое лучшее море¹*

¹ Перевод Бориса Слуцкого.

Вечерняя фриттата

Брешиа, февраль 1945

В тот вечер они ели на ужин фриттату с луком и сыром, которую приготовила бабушка Инес.

Это событие само по себе было удивительным, потому что в бетонном курятнике за домом осталась всего одна курица, которая зимой не неслась. Самое большее, на что она была способна, – вылететь ненадолго на улицу и усесться на низкую ветку цикадного дерева. Пиппо следил за ней из будки,

нехотя вилял хвостом, зевал и ловил ртом снежинки.

Яйцами разживались редко, как и другими продуктами, которых теперь и вовсе почти не осталось. Фриттату с луком и сыром готовили по особому случаю, и пяти сестрам ее всегда было мало.

– Нам нужны силы, нынче-то. Ребенок на подходе, – сказала бабушка, беря яйцо из корзинки и показывая его внукам.

– Детеныш, то бишь ребенок, пока что внутри, то бишь в животе, как в скорлупе. Не думайте, там внутри у него все чин чинком. В животе есть все, что ему нужно. Но скоро он выйдет наружу, и тогда ему понадобится мы. Чтобы родить ребенка, нужны мышцы.

И она – крестьянка, к пятидесяти годам уже успевшая состариться, – показала мышцы на иссохшей руке.

Девочки рассмеялись, но тихонько, чтобы не потревожить Бьянку, свою маму. Та лежала в постели, скорчившись и обхватив живот руками, и тяжело дышала. Лицо ее, повернутое к стене, было покрыто испариной. Но сестры не смогли сдержать смех, отчасти из-за бабушкиного жеста, отчасти из-за смеси диалекта и итальянского, на которой она говорила. При папе все общались только на итальянском: он был образованным, изучал античную историю, и ему не нравилось, когда дочери переходили на брешианский диалект.

– Она в порядке? Я про маму, – спросила десятилетняя ясноглазая Мельпомена.

В углу комнаты трепетал маленький огонек желтоватой свечи, порождая на стенах пляшущих призраков, каждый из которых был куда больше, чем само пламя. Снаружи ночь, величественная и бессловесная, ласкала дом звуками зимы: с потолка просачивалась вода и капала в одно и то же место на полу, с крыши под окна с шорохом скатывался снег; беспокойная сова, забыв о спячке, подавала голос с голых веток цикадного дерева.

Из поврежденного приемника, который лежал у папы на коленях, были слышны помехи. Отец пытался его настроить, чтобы узнать последние новости о конференции трех президентов. Так их называла Эвтерпа, хотя не все они были президентами.

«...Уин... стон... из Ялты раньше... ш-ш-ш... обсудить... Японию... Объединенные нации... ш-ш-ш... мир».

– Какое там в порядке, о чем речь. У нее из живота ребенок вот-вот вылезет! – воскликнула Талия. В свои тринадцать лет она не упускала ни единой возможности прицепиться к младшей сестре. Эвтерпа, старшая сестра, которой недавно исполнилось пятнадцать, прервала ее и осадила с важным видом:

– Не говори так, Талия, ты пугаешь ее. Возьми-ка Уранию. Она вот-вот уснет и свалится со стула.

Талия в один присест съела свою порцию фриттаты, встала и взяла на руки двухлетнюю Уранию, которая сидела на стуле с подушками – их подкладывали специально, чтобы

малышка могла доставать до стола. Урания привалилась к ее плечу и сразу же задремала.

Накрыв сестру одеялом до самого подбородка, Талия услышала взволнованные голоса, доносившиеся из главной комнаты, откуда она вышла несколько минут назад. Обычно девочки ночевали на чердаке: они забирались туда наперегонки по деревянной скрипучей лестнице. Последней отводилась неприятная обязанность – закрывать тяжелый люк. Зимой на чердаке не спали из-за холода, поэтому сейчас там были только подвешенные для просушки кисти винограда.

Талия поспешила в главную комнату: у мамы начались роды, а у ее кровати, сырой и измятой, стояли папа с Эвтерпой и держали маму за руки и ноги. Талия тут же пожалела, что напугала Мельпомену. Теперь ей самой стало не по себе.

Мама громко стонала и утробно кричала. Талия не хотела этого слышать.

– Зови повитуху, скорее! Одна нога здесь, другая там! – скомандовала Эвтерпа на диалекте, не оборачиваясь. Талия метнулась к двери, распахнула ее, и в дом ворвался холод.

Снаружи воздух был неподвижен: казалось, что надвигается гроза. Ее предвещали беззвучные вспышки света, словно кто-то фотографировал пейзаж за домами района Карриоле. Талия мчалась, машинально выбрав самый короткий путь до дома акушерки. Ее застала врасплох молния, очертившая ближайшие к городу угольно-черные, на контрасте

со вспышкой света, холмы. Между ними лежала долина, напоминавшая букву V или чаек, которых рисовал Нери. Надо же, гроза после снегопада...

– Эвтерпа, нам-то что делать?

Сидевшая в углу Мельпомена прижалась к пятилетней Терпсихоре, в тихом ужасе от осознания того, что «скорлупа» ее матери уже трескается и вот-вот разобьется. Этот ужас был глубоким, потаенным, его выдавала лишь дрожь, от которой тряслись черные кудряшки на голове девочки. Даже бабушка Инес забыла о внучках. Она ставила ведра с водой на затухающие угли в камине и искала чистые отрезы ткани, припасенные для родов.

– Терпси, поди-ка к Урании. Проверь, как она. Убедись, что не проснулась, – скомандовала Эвтерпа, не сводя глаз с матери.

Малышка зашагала к выходу из комнаты. Бьянка громко закричала, и Терпсихора с плачем бросилась в темноту.

Эвтерпа держала ведро с теплой водой, пока бабушка окунала в него ткань.

– Беги за Нери, Мельпомена. Лети мухой! – бросила она сестре из-за плеча.

– Нет! Только не Нери! – воскликнула мама, приподнявшись на руках. Она тяжело дышала через рот, глаза покраснели от напряжения.

– Почему? Я обещала ему, что он первым увидит ребенка.

Говорила, что перво-наперво позову его, – сказала Эвтерпа.

Бабушка Инес посоветовала ей забыть об обещании.

– Мы знаем, что Нери твой друг, но он юноша. Он из мужчин. Мы столковались, помнишь?

Девушка опустила взгляд.

– Да. Я помню уговор. Только папе можно находиться здесь. Другим мужчинам нельзя.

У мамы началась новая схватка, бабушка повернулась к ней, и Эвтерпа быстро отвела Мельпомену в сторону.

– Найди Нери. Это важно, верь мне! Беги во всю прыть! – прошипела она сестре.

Дрожавшая девочка шагнула в синюю стылую ночь, грозившую разразиться бурей.

– Это мальчик! – услышала она возглас из дома.

Мельпомена помчалась со всех ног.

Эвтерпа

Глава 1

Верона, апрель 2005

– Махало². Ну же, Урания, повторяй: ма-ха-ло. Проще простого.

² Махало (гавайск. mahalo) – спасибо. Здесь и далее примечания даны редактором.

– Что девонька несет? – скрипучим голосом прервала урок гавайского языка тетя Талия. Сегодня четверг, а по четвергам обычно приходит Кай, учитель моей мамы, Урании. Когда тетям, одной за другой, поставили диагноз – болезнь Альцгеймера, моя подруга Джада подговорила меня предложить маме освоить иностранный язык. Не знаю, где Джада такого набралась, но, по ее словам, изучение языка, совершенно непохожего на родной, могло защитить от заболевания, особенно наследственного, как у мамы и ее сестер.

Сегодня урок выпал прямо на день рождения тети Мельпомены, так что Кай остался на обед.

Я поняла, что дело плохо, на третьей порции первого блюда. Основа наших семейных обедов – это всегда яичная паста. Тети любят замешивать дома тесто для тортеллини, тальолини и лазаньи. Женщины в нашей семье собираются вместе за большим кухонным столом, едят пасту и переговариваются – громко в силу своего возраста. *Они* готовят пасту и едят ее, *они* словно пухлые колдуньи, которые варят зелья и тайные снадобья. Я нет. Я только слежу за готовкой, и всё. Разумеется, я пристрастилась к запаху и виду пасты и, как любой верный ее почитатель, преисполняюсь радостью и печалью при виде целой простыни мягкого желтого теста, пахнущего мукой. Я пытаюсь держаться от пасты подальше, но она зовет меня, она мое естество. Именно поэтому я стараюсь не подходить к ней.

Замешивание теста, трапеза, стол, на котором радостно

готовят тетушки с мамой, а раньше и с бабушкой, утварь, которой они пользуются, ингредиенты... Все это поглощает меня, напоминает о счастливых моментах, которые и сейчас случаются на нашей кухне, где нынче обитает как минимум один призрак. Временами воспоминания придают мне сил. Но чаще они меня сокрушают.

– Ну так что? О чем говорит девонька? – упорствовала тетя Талия, показывая на Кая неразгибающимся пальцем.

– Он вовсе не девонька, а мужчина! – крикнула тетя Терпсихора, сидевшая в кресле с мягкими подлокотниками. У нее вечно все болит, с тех самых пор как...

Тетя Мельпомена с трудом встала со своего места во главе стола и отрезала Каю, который, к слову, не ест сладкое, кусочек торта.

– Тебе, дорогуша. Угощайся тортом, – с теплотой сказала она, протягивая ему тарелку дрожащей рукой.

– Тетушка, ты забыла: нужно задуть свечи, прежде чем разрезать торт, – попыталась я привлечь ее внимание, хотя знала, что бесполезно пробовать вразумить человека с болезнью Альцгеймера и объяснять ему, в каком порядке что принято делать.

Мама отошла от своего любимого окна, выходящего в сад, достала из ящика шкафа несколько свечек – шесть, если быть точной, – и воткнула их в неразрезанную часть торта. Не хватало по меньшей мере еще шестидесяти свечей, но в тот момент оставалось только потакать повальному безу-

мию, царившему в доме с тех пор, как тети заболели.

Джада запела «С днем рождения» на португальском языке. Джада – бразильянка родом из штата Санта-Катарина, помощница тетушек и обладательница самых пышных бедер, которые я когда-либо встречала. Мне она нравится.

Я присоединилась к остальным поющим. «С днем рождения» я исполняла по-своему, постукивая ладонями по столу. Я люблю вибрации. Врачи говорили, что у меня должны сильнее развиться другие органы чувств, потому что до семи лет я была глухой. Они ошиблись: я всего лишь хорошо чувствую ритм, и, может, как раз поэтому моя единственная подруга – бразильянка.

Под конец песни, сопровождаемой аплодисментами и размахиванием разноцветными флажками, Кай, одетый в безупречный костюм в тонкую полоску, взял тарелку и поставил ее перед собой, но к торту не притронулся.

– *Махало*, синьора.

– Мхало? Мхало? Что значит мхало? – услышала я бормотание дедушки. Я обернулась – он неподвижно стоял около двери. Дедушке под сто лет, а я никогда не видела, чтобы он сидел, ни разу. Он говорит, что если присядет, то умрет.

– *Махало* значит «спасибо», дедушка. – Я подошла и погладила его по все еще густым волосам. Из всей семьи я одна внимательна к нему: мама и тетушки не ладят с дедушкой Беньямино и сторонятся его. Но сегодня избежать встречи было трудно: мы не могли не позвать его на день рождения

третьей из пяти его дочерей.

Мысль о пяти дочерях дедушки вихрем проносится в голове, как шутиха, пущенная под Новый год. Одной не хватает. Тетя Эвтерпа, его старшая дочь, умерла вчера утром. Сюда, в Верону, мама и остальные тети переехали из родной Брешии еще до моего рождения, и тетушка Эвтерпа время от времени навещала нас. На стуле, который мы ставили для нее, теперь сидел Кай. Я почувствовала, как в груди застыла льдинка и медленно, болезненно начала таять.

Тетя Эвтерпа – часть меня, ровно как мама и тети; так было и будет всегда. Они все, что у меня есть. Они породили меня, они моя плоть и кровь, часть меня самой. Я не могу представить себя без них, без нашего дома, без теплой кухни, где, сколько я себя помню, мы встречались по десять раз на дню.

– Сколько тебе лет, малышка? – спросила меня тетя Талия. Она самая бойкая и озорная, если можно считать озорством манеру задираться, чуть что вспыхивать и вести себя как непослушный ребенок.

– Мне двадцать два года, тетушка, но это не мой день рождения, – попыталась объяснить я.

– Ты вся замаралась, Талия, испачкалась... Я тебя умою, – вмешалась в разговор мама. Она взялась за ручки розовой инвалидной коляски, в которой сидела ее сестра (тетя и в самом деле испачкалась тортом), и покатила ее к раковине.

Тетя Мельпомена внезапно оживилась и начала кричать,

что хочет помочь и умоет Талию сама. Я попыталась успокоить ее, но краем глаза заметила, как тетя Талия схватила мокрую губку из раковины и прицелилась в сестру. Тетя Мельпомена с неожиданной скоростью рванула от меня и принялась носиться вокруг стола.

– Мельпомена, дурья башка, ты что творишь?

– Мама!

Я стукнула о стол тарелкой с тортеллини, которыми пыталась отвлечь тетю. Брызги горячего бульона взлетели и упали на скатерть. Болезнь Альцгеймера – вот что царит в моем доме уже несколько лет, но мне кажется, все началось задолго до того, как стал ясен диагноз. Его, разумеется, поставили, но позже. Мама, младшая из пяти сестер, – единственная, кто пока официально не болен, но я знаю, что она уже ходит по краю. Теперь у нее появилось оправдание для таких фраз, как, например, «дурья башка, ты что творишь?», брошенных сестре.

– Мама, не выражайся при гостях.

Она сделала вид, что ничего не произошло. Она всегда так поступает: улыбается своим мыслям, не обращая на меня внимания. И это меня бесит.

Тети недоуменно переглянулись.

– А что стряслось? – спросила тетя Терпсихора на диалекте, чуть не плача.

Снова перепады настроения. Мы часто с ними сталкиваемся: я выросла в компании пяти женщин – мамы, трех ее

сестер и бабушки Бьянки, – точнее, в компании семи женщин, если считать частые визиты тети Эвтерпы и Джаду, которая живет с нами вечно. На кухню по утрам я пробиралась на цыпочках, чтобы выпить кофе и никого не разбудить.

– Ничего, Терпси, – успокоила ее Джада.

Тетя Талия снова затыкнула «С днем рождения».

– Да замолчи ты! Мы только что ее спели! – рявкнул де-душка.

– Тише, тише, – вмешалась я. – Не ссорьтесь, пожалуйста.

– Не трогайте девоньку! – громко скомандовала Мельпомена, усаживаясь на свое место.

Тетя Терпсихора в инвалидном кресле – она пересела в него несколько недель назад – скривилась и оглянулась в поисках девоньки, то есть меня.

– Девонька расстроилась! Нельзя ее расстраивать!

В ее мочках, вытянувшихся под весом бесчисленных побрякушек, качаются серьги, украшенные голубой эмалью. Эти мягкие белые мочки напомнили мне о детстве – о времени, которое я провела в пугающей тишине, прижимаясь к кому-нибудь из тетюшек. Каждая ассоциировалась с чем-то особенным – прядью кудрявых волос, юбкой, накрашенными ногтями. Тетина мочка. Я прикасалась к ней и успокаивалась.

Талия заметила голубые сережки у сестры и закричала, что та их украла.

– Они мои! Мои, мои!

– Спросим у духов, – не к месту встряла Мельпомена.

– Нет! Нельзя проводить спиритический сеанс, только не сейчас, – рывкнула Талия, намереваясь вернуть сережки. – Здесь мужчины!

– Не волнуйтесь, синьоры, – сказал Кай, вставая, – мне пора.

Я решила воспользоваться возможностью и улизнуть.

– Подвезешь меня? – спросила я и, не дожидаясь, пока он скажет «ага», просочилась в коридор обуваться.

– Ты сегодня собираешься в университет? – спросил Кай, вытаскивая из кармана ключи от старого серого «Гольфа». Имя Кай в переводе означает «Океан», и этого достаточно, чтобы он считал себя самым крутым парнем на планете.

Я надела одну из своих восхитительных винтажных курток.

– Нет, сегодня я в магазин.

– Дорогая, ты уже месяц не ходила на занятия, – заметил мой друг с глазами цвета карамели.

– Ш-ш-ш, мама услышит. Я знаю, но, учитывая состояние тетюшек и все остальное... Если я не пойду в магазин, никто не сходит. А он как-нибудь, но должен работать.

– Может, вам найти продавщицу?

– Подумаем об этом. Спасибо, что подбросишь.

– Ага, – ответил он, – но когда ты научишься пользоваться автобусом?

Я фыркнула и поправила волосы рядом с ухом, на котором у меня слуховой аппарат.

– Чтобы добраться до магазина, не нужно ехать на автобусе. Он совсем близко.

– Честное слово, не знаю, в кого девонька такая, – высказалась тетя Мельпомена, шаркая к нам. – Мы всегда ездили на общественном транспорте. Эвтерпа, можно сказать, вообще жила в этих, как их, поездках.

– Разумеется, я знаю, в чем дело: меня удочерили, – съехидничала я.

– Прекрати, – упрекнула меня мама из кухни.

Она закончила убирать со стола, и, без сомнений, вскоре она достанет из холодильника упаковки яиц. Я повернулась к двери, которая вела в маленькую комнату, где собрались старики. Комната пахла ими, пахла тальком марки Felce Azzurra и остановившимся временем.

– Будешь месить тесто?

– Да. У меня большой заказ на пасту этим вечером.

Я боюсь яиц. Самое время уносить ноги.

– Алоха!³ Скоро вернусь.

Я подошла к каждому: к дедушке, Талии, Мельпомене, Терпсихоре и маме – и по традиции чмокнула их. Затем поволокла Кая прочь, ухватив его за рукав пиджака, и заметила, насколько он возмущен таким обращением.

– Алоха, Урания. Спасибо за обед, было очень вкусно.

³ Алоха (гавайск. aloha) – пока.

Увидимся в следующий четверг. Учись!

Кай водит машину так же, как и одевается: аккуратно. На автобусе я бы действительно добралась быстрее, даже на двадцать третьем номере, который ходит по длинному маршруту.

Когда я пригласила Кая преподавать маме гавайский язык, я, конечно, не ожидала, что он одевается в костюмы из мериносовой шерсти и обожает все винтажное – в этом мы похожи.

– Помнишь, как мы встретились в первый раз?

Кай переключился с одной передачи на другую и невероятно плавно затормозил.

– Конечно, дорогая. Ты сразу же поняла, что на мне пальто из восьмидесятых, поэтому я согласился работать у тебя.

– Вообще-то ты раскритиковал мою парку. Ты сказал, что от нее пахнет травкой. А я упрашивала тебя помочь мне с мамой.

– Да, может, так оно и было.

Автомобиль сзади начал сигналить. Кай еще больше снизил скорость.

– Сколько прошло? Шесть месяцев?

– Да, шесть месяцев ты даешь уроки, а она так ничему и не научилась.

– Дело не в том, что она ничему не научилась, а в том, что она не хочет учиться. Она даже не записывает за мной, что

довольно необычно, учитывая, что мы говорим о человеке, который боится потерять память. Что поделать. А в остальном как дела?

Мы остановились перед магазином.

– Хочешь узнать, как у меня дела?

– Вроде того. Как диссертация, пишешь? Все в порядке?

– Вроде того. Спасибо, что подбросил.

Я быстро вышла из машины, прежде чем он успел еще о чем-нибудь спросить, и открыла магазин ключами, которые раньше принадлежали бабушке Бьянке. На ключах вместо брелока висела обычная желтая лента. Кай опустил стекло, чтобы попрощаться.

– Хорошо тебе поработать. Не делай глупостей.

– Обещаю. А ты не ешь слишком много сладкого.

Мы всегда так прощаемся. Он знает, что глупость я совершу с той же вероятностью, с какой он дотронется до пирожного.

Я поступила на исторический факультет, потому что стремилась все держать под контролем, а это проще, когда работаешь с достоверными фактами. Я считаю, людьми правит хаос. Пугает не то, что уже произошло, а то, чему только предстоит случиться. Но для того чтобы подтвердить свою теорию, придется как можно дольше откладывать получение диплома. Мне кажется, это логично. Вряд ли тот, кто боится будущего, захочет ни с того ни с сего в нем оказаться.

Я отперла замки на витрине и закрыла сумку с курткой в подсобке. Взяла с собой книгу об острове Пасхи, которую нужно проанализировать для диссертации. Остров Пасхи – банальнее темы не придумаешь. Я специально выбрала ее, чтобы писать спустя рукава. Даже открывать книгу не стала, оставила ее в сумке. Шестнадцать часов одна минута: зашла синьора из дома напротив. В руках она держала список и холщовый мешок размером со сложенный парашют. Сколько ставим, что она за тортеллини?

«Здравствуй, дорогая, есть ли у вас *анолини*⁴ со сливочным маслом и шалфеем? Мне нужно четыреста граммов. А еще дай баночку тех консервов, только маленькую, ага, а то в прошлый раз большая заплесневела в холодильнике... Пони-маешь, я живу одна и не справляюсь с большой банкой...» – говорит она обычно.

– Здравствуй, дорогая, есть сегодня анолини с маслом и шалфеем? Мне четыреста граммов. А еще...

Я не вслушивалась. Самое приятное в работе здесь то, что я могу пропускать что-то мимо ушей и отвлекаться. Не нужно беспокоиться о том, что мне говорят. Клиенты всегда одни и те же. Изо дня в день.

Я отсчитала синьоре сдачу за пасту. Пока она медленно выходила из магазина, я перевернула страницу настольного календаря. Джада подарила мне ежедневный календарь, от которого каждый вечер, перед тем как лечь спать, нужно от-

⁴ Анолини – паста с начинкой, похожая на вареники.

рывать лист. Я же делаю это следующим утром. Мне и так нелегко отпустить прошлое, даже если речь всего лишь об одном дне.

28 апреля. Боже правый, почти три месяца я работаю здесь за тетушек, три месяца я не ходила в институт. С другой стороны, одноклассники меня не искали. Ни у кого нет моего номера.

Я же глухая. Люди считают глухих странными. Чтобы глухому жить счастливо, нужно родиться красивым. Я должна была вырасти другой. Мама, тети – все они были красавицами в моем возрасте. А я нет. Я не уродливая. Я никакая, а теперь даже и не глухая, больше нет. Я родилась глухой, а потом в семь лет меня прооперировали, и теперь я могу слышать. Все исправили. Так сказать.

Единственный минус работы в магазине – там нет нашего домашнего стола. В детстве я пряталась под ним с раннего утра. Мама думала, что темно в комнате из-за задернутых штор, – она отдергивала их, обычно на окне, выходящем в сад, и понимала, что на улице все еще не рассвело.

Я к тому моменту пряталась под столом уже целый час. Я не любила ночь. По вечерам мама укладывала меня в кровать, гладила по голове, вставала с постели и выключала свет. Я жила в одной комнате с тетей Терпси; нам приходилось выключать весь свет, иначе она плохо высыпалась и на следующий день ей тяжело работалось.

Как только спальня погружалась во тьму, в животе сворачивался ужас и меня накрывала полная уверенность в том, что я осталась в мире одна.

Вот что происходит с людьми, которые ничего не слышат. У них развивается зависимость от света. По крайней мере, так было со мной до операции, возможно, потому, что моя семья всегда чрезмерно окружала меня объятиями, разговорами, яркими красками. Чтобы помочь, говорили они. Чтобы скрыть свое молчание, говорю я. Старались избавить меня от чувства неловкости, когда я пыталась угадать, обращается ли ко мне кто-нибудь. Мне дурно от одной только мысли о прошлом.

Чтобы заснуть в темноте, мне приходится перечислять вещи. В четыре года я перечисляла игрушечных далматинцев. У меня было восемь собачек, и я пересчитывала их не меньше сотни раз, повторяла их клички, прежде чем провалиться в сон.

Теперь же я вспоминаю римских императоров. Или фамилии знакомых в алфавитном порядке. Хотя больше всего люблю перечислять штаты Америки. Все время забываю Мэриленд, но, когда в третий или четвертый раз дохожу до Пенсильвании, точно засыпаю. Так что привычка к перечислению осталась, а вот к объятиям и звукам после операции я стала равнодушна.

Если я просыпалась посреди ночи и даже перечисление игрушек не помогало, я начинала звать маму:

– Мама... Мама...

Я звала ее до тех пор, пока у тети Терпси не заканчивалось терпение. Тогда она вставала с постели, подходила ко мне, баюкала и приносила попить воды.

Тетя почти сразу же засыпала. Я же пользовалась возможностью побыть недолго одной: брала любимую плюшевую собачку, чтобы не так сильно бояться, и спускалась на первый этаж. Довольно необычно, сказал бы Кай, ведь речь о человеке, который не переносит темноту.

Я заходила на кухню и залезала под стол. Уже почти рассветало, и вскоре все начинали стряпать, даже бабушка Бьянка, которая до конца своих дней жила на первом этаже. Она скончалась почти два года назад. Мне всегда казалось, что она хотела пожить подольше, и ей это удалось. Умерла она, когда ей было сильно за девяносто.

Когда у стола появлялись женские ноги, я перебиралась в центр своего укрытия, садилась по-турецки и выжидала. Свет падал красивый, оранжевый. Белая бумажная скатерть доходила почти до пола, окружала меня со всех сторон, и получался чудесный домик. Я рассказывала о нем в школе, описывала его Джаде – та была в восторге и каждый раз восклицала, что ей тоже хотелось бы забраться в укрытие под столом.

Каждый раз, когда мимо проходили тети, мама или бабушка, скатерть начинала колыхаться, то отдаляясь от меня, то приближаясь. Я играла, не позволяя ей меня коснуться, или

угадывала, чьи ноги сейчас появятся.

Обычно больше всего двигались мама и бабушка Бьянка. Я наблюдала за ними. Мама носила красные туфли на двенадцатисантиметровых каблуках, а бабушка – черные с ремешками. Они шли каждая со своей стороны и встречались во главе стола – скорее всего, разворачивали пласты теста, раскатанного накануне вечером.

Я догадывалась о происходящем по игре света и движению воздуха. Ящик открывали и с силой задвигали обратно. Из холодильника веяло прохладой, жарко дышала распахнутая духовка, в которой пекся первый за день пирог.

Облака муки начинали оседать на пол. «Снег пошел, Понго», – шептала я своей собачке. Я не слышала звуков, но чувствовала вибрацию, когда полоски теста шлепались на скатерть, и видела тени, когда паста свешивалась со стола. Я до смерти их боялась, потому что днем раньше к нам приехала тетя Эвтерпа. На ней были фланелевые брюки, на шею она повязала желтый платок. Тетя без задней мысли посмотрела со мной страшный фильм про нападение анаконды. После него мне стало казаться, что длинные, широкие полоски нарезанной пасты шевелятся сами по себе, словно громадные змеи.

– Ты слишком оберегаешь девоньку, – рокотала тетя Эвтерпа каждый раз, когда приезжала в гости. – Она глухая, а не простофиля какая-то! Как она жить будет, если ей ничего не разрешают делать самой?

Она была сильной, наша тетя Эвтерпа. Меня поражала ее стойкость. И я предпочитала прятаться от тетушки в убежище.

По столу начинал кататься роликовый нож, он разрезал тесто на маленькие квадратики, на которые клали начинку для тортеллини. Только тогда я осмеливалась дотронуться до стола снизу и водила двумя пальцами от одного конца столешницы до другого, вслед за ножом. Все, что мне удавалось различить, – глухой, едва ощутимый звук вращавшегося лезвия, но я его слышала.

Когда тети заболели и им стало хуже, наш большой старый дом превратился для них в полосу препятствий. Сложно заставить подняться по лестнице человека, который с трудом переставляет ноги или уверен, что попал в плен *к немцам*, и поэтому изо всех сил цепляется за перила.

Но о ежедневном сборе за столом, неизменном ритуале, они помнили. Стол у нас самый простой, на нем хорошо видны сучки темного дерева, из которого его сколотили. Дедушка Беньямино получил его в наследство, когда у него родилась первая дочь, тетя Эвтерпа, в 1929 году. Его родители, прадедушка и прабабушка Флавиани, управляли крупной фабрикой по производству пасты, располагавшейся недалеко от Брешии, и обещали подарить им с бабушкой Бьянкой дом, если родится мальчик. В промежуток между 1929 и 1943 годами у бабушки и дедушки родились дочери Эвтер-

па, Талия, Мельпомена, Терпсихора и моя мама Урания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.